

УДК: 908(477)

СТОЯНОВА Г.М.,

Одеський національний університет ім. І.І. Мечникова.

Стоянова Галина Миколаївна – доцент кафедри археології та етнології Одеського національного університету ім. І.І. Мечникова.

ТЕМА ДОРОГИ В ПОХОРОННОМ РИТУАЛЕ (НА МАТЕРИАЛАХ СЛАВЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОЙ БЕССАРАБИИ)

Стаття присвячена темі дороги у поховальному ритуалі. Дана тематика розглядається на основі польового матеріалу, зібраного серед українського, російського та болгарського населення Південної Бессарабії.

This Article describes roads in funeral rituals. This theme is being considered under the information collected from Ukrainians, Russians and Bulgarians living in the South Bessarabia.

Дорога по своей семантической и функциональной нагрузке – наиболее значимый локус. Именно с дорогой связаны представления о жизненном пути, пути души с “этого мира” в потусторонний; кроме этого, дорога является разновидностью границы между “своим” и “чужим” миром и считается мифологически “нечистым” местом, где избавляются от вредных и опасных объектов, совершаются вредоносные магические и лечебные действия [1]. Семантическое выражение находит дорога в родильном, свадебном и похоронном ритуалах. Остановим свое внимание на похоронном ритуале, состоящем из обрядовых действий, совершаемых, начиная с момента смерти и заканчивая поминанием умершего. Дорога и связанные с ней представления составляют сердцевину похоронного обряда [2]. Нашей задачей будет проследить данную тематику на конкретном материале, а именно – похоронных обычаях и обрядах, зафиксированных среди украинского, русского и болгарского населения Южной Бессарабии [3].

После всех необходимых действий подготовки умершего к погребению (омовения и обряжения), покойника перекладывают в гроб. Среди предметов, которые кладут в гроб (расческа, платок, головной убор, взрослым могли положить предметы, символизирующие их занятие при жизни, детям – игрушки), особое место отводится деньгам (зафиксировано на украинском и русском материале). Среди объяснений целью данного действия является выкуп (места на кладбище, места на “том свете”). Кроме этого, среди русских встречаем и следующее объяснение: это именно те 40 копеек, которые должен каждый собрать по копейке на протяжении жизни. Собранные копейки завязывали в платочек и клали в гроб, “чтобы выкупить дорогу на 40 дней” (с. Троицкое Беляевского р-на). Согласно христианским представлениям, именно 40 дней душа блуждает, пока не попадет к нужному месту: “душа до

40 дней ходит здесь” (с. Шевченково Килийского р-на). Душа умершего не просто блуждает по этому миру, но и преодолевает препятствия. В подтверждение этому встречаем у русских-старообрядцев такое представление: 40 дней душа ходит “по мотырям” (по-видимому, от “мытарства” – русс.). В похоронных обрядовых действиях в качестве преград между миром живых и миром мертвых выступает вода. В связи с этим встречается в полевом материале еще одно объяснение относительно денег, которые нужно положить в гроб: клали 41 копейку в карман умершего, потому как, по поверью, умерший, чтобы попасть на тот свет, должен пройти 41 мост и за каждый заплатить по копейке.

У восточных славян также считалось, что деньги могут понадобиться умершему, чтобы заплатить за перевоз через “огненную реку” [4]. Образ огненной реки передает единство комплекса вода-огонь у славян [5]. В погребальном обряде вода и огонь в равной степени выступают в качестве очистительного средства: омовение умершего, омовение рук после кладбища, сжигание предметов, связанных с умершим (одежды, щепок от гроба), зажигание огня (свечей) во время поминальной трапезы. Вода и огонь выступают не только как преграда между этим и “тем” миром, но и как связь между ними.

Распространенным в славянской среде является обычай оставлять на месте смерти покойного хлеб (зерно, муку) и воду на 40 дней (этот обычай объясняется верованием в потребности души в питании и еде, пока она окончательно не покинет этот мир). Наряду с этим, рядом с угощением для души весь этот срок должна гореть свеча или лампадка. Зажигание свечки объясняется необходимостью в освещении пути души на “тот свет”.

Во многих зонах расселения как восточных, так и южных славян обязательным в обрядовой практике

является зажигание свечи при умирающем. Смерть без свечи, по народным представлениям, считалась большой бедой: умерший будет блуждать во тьме, не найдет других покойников, может стать вампиром. Русские ставили в изголовье умирающего чашку с водой, чтобы душа, выйдя из тела, “обмыла свое лицо (крылья)” [6]. По славянской традиции, смерть и потусторонний мир связаны с переходом из “белого света” в мир тьмы [7].

У славян, как и других народов, известна сказка, где смерть живет под землей, в большом доме, полном свеч, одни из них начинали гореть, другие – уже догорали. То есть, по этому сюжету, человек, рождаясь, получал свою свечу; как только она угасала – человек умирал [8]. Относительно вышеупомянутого уместно вспомнить записанное во время похорон высказывание, касающееся покойницы: “Ее свеча уже догорела” (с. Мирное Килийского р-на).

Тематика дороги в похоронном ритуале связана не только с представлениями о преодолении препятствий (огненной и водной стихий, мостов через реку), но и с воплощением пути в движении по вертикали, и при этом в движении ступенчатом. Например, 40 или, в другой традиции, 24 (26) мытарств, вам, вами, вамите (болг.), которые душа проходит в течение 40 дней после кончины, расположены как ступени [9]. Ступенчатое движение моделирует процессия с остановками и раздачей жертв на каждой остановке (особенно характерная для украинского обряда).

Среди украинского населения было зафиксировано следующее. По пути похоронная процессия останавливалась на перекрестках улиц. Во время этих остановок осуществлялись определенные ритуальные действия. Хозяйка стелила дорожку, на которую клали калач и платочек. Покойного переносили через это и шли дальше. Дорожку забирали, а калач и платок кому-либо отдавали (с. Першотравневое Измаильского р-на), в другом варианте фигурирует только калач, без платка (с. Фурмановка Килийского р-на). В обрядовой практике украинцев также встречаем обычай нести хлеб и соль, которые клали на край гроба. В полевых материалах фиксируется количество калачей, которые нужно было раздать, когда похоронная процессия останавливалась “на вуглах” (перекрестках улиц). Нужно было раздать 12 калачей, причем брали с собой немного больше, потому что калачи раздавали, когда шли к церкви и от церкви на кладбище, а пару калачей должны были оставить в церкви (с. Шевченково Килийского р-на). Зафиксировано также, что когда останавливались, гроб клали на дорожку, и священник на каждой остановке должен был “поправить” (“отчитать”) над покойником и покадить гроб. Дорожку потом забирали те, кто ее стелил. А перед тем, как двигаться дальше, впереди гроба бросали ветку. Бросание ветки впереди гроба после каждой остановки, по-видимому, должно было предотвратить возвращение мертвеца.

Похожие ритуальные действия встречаем у русских. Во время остановок похоронной процессии на перекрестках улиц (“переулках”) над покойным священник читал Евангелие, под которым склонялись родные умершего (с. Васильевка Килийского р-на). Во

время каждой остановки на крышку гроба выкладывался один калач, отрез ткани или платочек. После возобновления движения процессии калач и платочек отдавали тому, кто встретится по пути. Всего по пути к церкви и от церкви к кладбищу раздавалось 12 калачей, 3 из которых оставляли в церкви. Нести и раздавать калачи поручали определенной женщине (с. Васильевка Килийского р-на). Также зафиксировано, что одна женщина раздавала калачики или пампушки с медом, другая несла пшеницу с конфетами, которой на каждой остановке посыпала дорогу (“просеивала путь”), а третья – землю, взятую из могильной ямы и “запечатанную” в церкви.

У русских-старообрядцев определенных ритуальных действий во время движения похоронной процессии не зафиксировано. С представлением о лестнице связан обычай вкладывать в руки умершему лестовки (четки) как символ духовного восхождения.

У болгар по поводу остановок на каждом перекрестке улиц говорили: «покойник “процается”». Священник читал молитву. На перекрестке расстилали полотенце, на которое родственники бросали деньги. Потом женщина, которая несла полотенце в начале процессии, забирала его, а дети разбирали деньги. Деньги могли бросать просто на землю.

Обычай стелить на перекрестке дорог белое полотно, через которое проходила похоронная процессия, символизировал собой препятствия, которые нужно преодолеть покойнику, чтобы попасть в “царство небесное”. По мнению исследователей болгарской обрядовой практики, этот обычай в прошлом был одним из самобытных элементов не только болгарской, но и молдавской и украинской похоронной обрядности [10].

Кроме моделирования ступенчатого движения, следует обратить внимание еще на один аспект остановок похоронной процессии, а именно значение места остановки – перекрестка. Именно в месте скрещения двух или нескольких дорог в наибольшей степени проявляется мифологическая семантика и ритуальные функции дороги. На обочинах дорог, перекрестках у восточных славян было принято хоронить самоубийц, некрещеных детей и других “заложных” покойников [11]. В нашем материале мы встречаем обычай хоронить некрещеных детей на пограничных местах: на отдельном участке кладбища, в один ряд, “на край”, или возле кладбища в канаве, у ограды или под воротами кладбища, а самоубийц – за кладбищем или на меже полей двух сел.

Если же рассмотреть все ритуальные действия, которые осуществляются во время движения похоронной процессии, то приходим к выводу, что все они в совокупности и каждая отдельная символизируют проводы в дорогу. По традиции, хлеб, платочек, дорожка – это необходимые атрибуты во время проводов члена семьи в дальний путь.

Таким образом, каждая составляющая похоронного обрядового комплекса пронизана темой дороги – набор предметов, положенных в гроб, представления о преградах, ожидающих душу умершего на пути в “тот мир”, и, конечно же, сама похоронная процессия как непосредственное выражение образа пути.

ЛИТЕРАТУРА

1. Левкиевская Е.Е. Дорога // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах. – Т. 2. – М.: Международные отношения, 1999. – С. 124.
2. Невская Л.Г. Семантика дороги и смежных представлений в погребальном обряде // Структура текста. – М.: Наука, 1980. – С. 228.

3. Используются полевые материалы, собранные автором во время этнографических экспедиций кафедры археологии и этнологии ОНУ имени И.И. Мечникова в украинских, русских и болгарских селах Одесской области.
4. Агапкина Т.А., Плотникова А.А. Деньги // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах. – Т. 2. – М.: Международные отношения, 1999. – С. 57.
5. Седакова О.А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. — М.: “Индрик”, 2004. – С. 53.
6. Терновская О.А., Толстая С.М. Агония // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах. – Т. 1. – М.: Международные отношения, 1995. – С. 91.
7. Толстой Н.И. К реконструкции семантики и функции некоторых славянских изобразительных и словесных символов и мотивов // Фольклор и этнография. Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. – Л.: Наука, 1990. – С. 51.
8. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. – В 3-х т. – Т. III – М.: Современный писатель, 1995. – С. 104.
9. Седакова О.А. Указ. соч. – С. 54.
10. Демиденко Л.В. Культура и быт болгарского населения в УССР. – К.: Наукова думка, 1970. – С. 82.
11. Левкиевская Е.Е. Указ. соч. – С. 124.